

УДК 930 «1730-1797»

ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ ПЕТРА III – КАРЛ КАРЛОВИЧ УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГ

О. П. Ведьмин

ADJUTANT GENERAL OF PETER III – KARL KARLOVICH UNGERN-STERMBERG

O. P. Vedmin

В статье характеризуется деятельность барона Карла Карловича фон Унгерн-Штернберга в качестве кадета, затем офицера Сухопутного шляхетного кадетского корпуса Петербурга, генерал-адъютанта Петра III, генерала русской армии при Екатерине II. Особый акцент делается на анализе причин одновременной благосклонности Петра III и Екатерины II к Унгерн-Штернбергу. В работе представлены достаточно новые материалы о взаимоотношениях Унгерн-Штернберга в качестве губернатора Петербурга и Екатерины II. Подробно рассматривается участие Унгерн-Штернберга в масонском движении.

The article characterizes the activities of Baron Karl Karlovich von Ungern-Sternberg as a cadet, then officer of the Land gentry cadet corps of St. Petersburg, the adjutant General of Peter III, General of the Russian army during the reign of Catherine II. Special emphasis is placed on the analysis of the causes of simultaneous favor of Peter III and Catherine II to Ungern-Sternberg. The paper presents new material on the relationship of Ungern-Sternberg as Governor of St. Petersburg and Catherine II. Clarified the participation of Ungern-Sternberg in the Masonic movement.

Ключевые слова: Унгерн-Штернберг, Пётр III, Екатерина II, русский двор, масонство.

Keywords: Ungern-Sternberg, Peter III, Catherine II, Russian court, Freemasonry.

Генерал-адъютант барон Карл Карлович Унгерн-Штернберг вошёл в историю как один из немногих людей императорской свиты Петра III, кто встал на его сторону в ходе начавшегося в Петербурге дворцового переворота 28 июня 1762 г. с целью свержения монарха. Возглавила этот переворот жена Петра III – императрица Екатерина. Однако биография К. К. Унгерн-Штернберга, к большому сожалению, далеко не в полной мере отразилась в работах исследователей как выше указанного, так и современного периодов. Разные авторы приводят лишь отдельные и весьма разрозненные штрихи биографии К. К. Унгерн-Штернберга [12, с. 160 – 164; 47, с. 363], поэтому сохранилась настоятельная необходимость составить наиболее полный исторический портрет нашего героя, используя для этого объёмный пласт, прежде всего, архивных документов. Интерес к биографии К. К. Унгерн-Штернберга неслучаен. Как известно, Пётр III, несмотря на ряд своих довольно экстравагантных и эксцентричных личностных и поведенческих особенностей, тем не менее окружал себя людьми высокообразованными, неординарными. Среди них – К. К. Унгерн-Штернберг, военному карьерному росту которого, вплоть до императорского генерал-адъютанта, способствовал сам Пётр III.

Фамилия Штернберг очень древняя и была известной во Франконии ещё в XI в. Род баронов фон Унгерн-Штернбергов происходит от Иоанна Штернберга, который 13 марта 1211 г. прибыл в Ливонию во главе венгерского войска численностью 1000 человек в составе всадников и пехоты на помощь ордену Меченосцев, чтобы оказать немецким рыцарям помощь в войне против ливонских язычников. Иоанн в Ливонии был прозван Унгарном, т. е. «Венгерским воеводою» или «Венгерцем». Прозвище Унгарн заменила ему прежнюю фамилию Штернберг, а потомки его затем именовались Унгернами вплоть до 1653 г., когда фамилия эта стала писаться Унгерн-Штернберг. Один из потомков Унгерна – Георгий Унгерн 16 июля 1531 г. был пожалован грамотой от императора «Священной

Римской империи германской нации» Карла V (1500 – 1558) в баронский титул. Диплом шведской королевы Христины (1626 – 1689) от 27 октября 1653 г. возобновил родовое название фамилии Штернберг, сохранив при этом прозвище Унгерн, так как «на сие последнее имя даны были многие грамоты». Кроме того, подтверждалось для данной фамилии баронское достоинство [38, л. 11 – 12, 16].

Дед нашего героя, барон Магнус-Христиан Унгерн-Штернберг (умер в 1710 г.), был шведским подполковником. Он был женат дважды. От первого брака с девицею Будденброк имел сына, барона Карла-Фридриха, служившего в Швеции офицером. От второго брака с Марией-Анной Лоде оставил сына барона Карла-Людвига (1706 – 1749) – отца К. К. Унгерн-Штернберга, будущего генерал-адъютанта Петра III. Барон Карл-Людвиг со временем вступил в российскую службу, был офицером в армии, затем состоял ассессором в Коммерц-коллегии. Женат он был на Гедвиге-Элеоноре Штрокирх [13, с. 418]. От этого брака родились: 5 дочерей, одна из которых, баронесса Мария-Луиза, умерла ещё в девицах, и 3 сыновей. Старший сын был барон Карл Христоф (Христофор, Карлович) Унгерн-Штернберг (29.04.1730 – 1797). Второй сын – барон Вильгельм-Людвиг Унгерн-Штернберг (Унгерн-Стернберг) родился в 1740 г. Учился в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе с 13 августа 1752 г. по 20 марта 1759 г. По окончании учёбы был произведён из фельдфебелей в кадетские прапорщики. 12 февраля 1760 г. был пожалован уже в чин подпоручика. Однако 26 марта 1760 г. скончался, находясь при корпусе, как действующий офицер. Третий сын родителей – Иоанн-Михаил (Иоганн-Михель) был тоже воспитанником Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, в котором учился с 8 июля 1757 г. по 20 апреля 1764 г. После окончания учёбы был направлен в пехотные полки в чине капитана. В отставку вышел в чине генерал-майора, женат не был [33, л. 449 – 449 об., 450 об.; 37, л. 19; 17, с. XVIII].

В духе XVIII в., а это было в период правления императрицы Елизаветы Петровны (1741 – 1761), отец стремился дать своему старшему сыну Карлу Христофору прекрасное образование, поместив его 22 марта 1742 г. в Сухопутный шляхетный кадетский корпус в Санкт-Петербурге, который первоначально назывался Кадетским корпусом. Это учебное заведение было образовано по указу императрицы Анны Иоанновны и предназначалось для дворян (шляхетства). Первоначально Кадетский корпус был рассчитан на 200 воспитанников (от 13 до 18 лет), 150 из собственно российских провинций и 50 из Лифляндии и Эстляндии. Однако число желающих учиться в Кадетском корпусе превысило первоначальную цифру, поэтому 12 мая 1732 г. был утверждён новый штат Кадетского корпуса, который теперь состоял из трёх рот, по 120 кадет в каждой роте. Кадетский корпус размещался на Васильевском острове в бывшем дворце А. Д. Меншикова и прилегающих зданиях. В будущем Кадетский корпус превратился в настоящий центр дворянского просветительства. Г. А. Гуковский отмечал: «С самого начала своего существования корпус сделался дворянским университетом. Военная муштра, а вместе с нею и специальные военные знания отошли на второй план в системе образования, дававшегося корпусом. Наоборот, история, география, юридические науки, языки, затем фехтование, танцы – весь этот круг общеобразовательных и светских дисциплин и навыков выдвинулись вперёд» [9, с. 18].

18 ноября 1731 г. был утверждён «Устав Кадетского корпуса». В это учебное заведение, согласно уставу, надлежало принимать лиц только «из шляхетства», которые «обучены были грамоте». В военном заведении создавались четыре класса. Четвёртый класс считался самым «низшим» в учебном процессе, а в трёх «высших» классах (третий, второй и первый) обучение было рассчитано на 5 – 6 лет. Для каждого класса были определены свои дисциплины, которые должны были изучать кадеты этого уровня, но в то же время допускалось изучение кадетами дисциплин из «высших» классов. Такой творческий подход к обучению, как показывают документы, был в полной мере воспринят и нашим героем. Карл Христофор начал своё обучение с четвёртого класса сразу же, как только был зачислен в Кадетский корпус, т. е. с 22 марта 1742 г. Он приступил к изучению таких дисциплин как: латинского и французского языков, русской грамматики, арифметики, истории, географии, рисования и танцев. Затем 27 августа взялся за изучение немецкой орфографии [27, с. 557 – 559; 34, л. 178]. Хотя немецкий язык был для молодого юноши родным языком, но он стремился быть грамотным и в письменном изложении текста. Следует отметить, что в Кадетском корпусе предмет географии изучался в третьем классе, а история во втором классе. Так начал своё обучение в Кадетском корпусе будущий любимец императора Петра III.

Следует обратить внимание, что Барон Карл фон Унгерн-Штернберг поступил в Кадетский корпус в тот момент, когда его главным директором был генерал-фельдмаршал принц Людвиг-Иоганн-Вильгельм Гессен-Гомбургский (1704 – 1745), который руководил этим учебным заведением с 11 декабря 1741 г. по

25 марта 1745 г. Затем 26 августа 1745 г., по случаю увольнения принца Гессен-Гомбургского в отпуск для излечения болезни, главным директором был назначен генерал-фельдцейхмейстер князь Василий Никитич Репнин (1696 – 30.07.1748). Заканчивал это военно-учебное заведение Карл Христофор тогда, когда его главным директором был уже действительный тайный советник князь Борис Григорьевич Юсупов (18.07.1695 – 26.02.1759), который пробыл на этом посту с 19 февраля 1750 г. по 12 февраля 1759 г. Окончание Кадетского корпуса Карлом Христофором пришлось на 5 сентября 1751 г., которое увенчалось успехом – получением после выпуска из корпуса сразу же второго офицерского чина подпоручика, минуя при этом чин прапорщика [7, с. 76 – 77; 17, с. XVI]. Не все кадетские выпускники имели такой результат. «Устав Кадетского корпуса» от 18 ноября 1731 г. в пункте 10 отмечал, что кадеты во время учёбы должны были освоить «фундаментальное в науках» и после публичного экзамена им жаловались чины. В зависимости от успехов кадетам присваивались как унтер-офицерские чины (от капрала до фельдфебеля), так и чин прапорщика. Только знающим в науках выпускникам жаловались чины подпоручика или даже поручика [27, с. 558]. Вот почему руководство корпуса, учитывая, природную одарённость и трудолюбие Унгерн-Штернберга, приняло решение оставить его служить на месте в качестве кадетского подпоручика.

Подпоручик барон Карл фон Унгерн-Штернберг, как показывают источники, выполнял свои должностные обязанности строго в соответствии с полученными им инструкциями. Так, 17 декабря 1753 г. из канцелярии Сухопутного шляхетного корпуса был послан ордер (приказ), чтобы подпоручик барон Унгерн-Штернберг сменил капитана-поручика Дидриха-Христиана Остервальда на посту кадетского библиотекаря. 22 декабря для нового кадетского библиотекаря была составлена инструкция, состоящая из 6 пунктов (приём, хранение, приобретение новых книг, ведение документации). Инструкцию заверил подполковник Иоганн фон Зихгейм и секретарь Мирон Притчин. Во время передачи книжного фонда из рук в руки выяснилось, что некоторые книги оказались похищенными. Также обнаружилось отсутствие и библиотечных вещей на сумму 92 рубля 62 копейки. Как показывают документы, капитан-поручик Остервальд со временем рассчитался за свою недостачу [35, л. 4 – 4 об., 79].

В самом фонде корпусной библиотеки, в соответствии с каталогом 1750 г., насчитывалось 495 печатных изданий и 2 рукописи, всего 2355 томов. Тематика этих изданий была разнообразной. Преобладала художественная литература, проза (67 названий, 242 тома), поэзия (24 названия, 88 томов), и произведения для театра (9 названий, 31 том), книги по военной тематике (48 названий, 183 тома), истории (47 названий, 159 томов), географии (15 названий, 48 томов), философии (18 названий, 49 томов) и праву (54 названия, 134 тома). Имелись также труды по гражданской архитектуре, геральдике и генеалогии, гравюры, карты, чертежи, уставы, учебники, справочники и словари [48, с. 121 – 122]. Итак, назначение барона Унгерн-Штернберга на должность библиоте-

каря кадетского корпуса не было случайным. От офицера, назначенного на эту должность, требовалось, чтобы он мог свободно ориентироваться в многообразии книжного богатства кадетской библиотеки и быть одновременно образованным человеком. Все эти качества были присущи нашему герою.

Карл фон Унгерн-Штернберг, находясь на должности библиотекаря, продолжал заниматься комплектованием кадетской библиотеки. Вот один из таких примеров. 4 февраля 1755 г. капитан Василий Алексеевич Чертков, преподававший кадетам историю и географию, обратился с предложением в канцелярию Сухопутного шляхетного кадетского корпуса купить в книжной лавке Академии наук для библиотеки нужную ему в процессе преподавания книгу. Издание называлось: «Краткое руководство к древней и новой географии с изъяснением нынешнего состояния известных в древние времена земель». 14 февраля канцелярия приказала подпоручику Унгерну-Штернбергу купить три экземпляра этой книги, так нужные Черткову. Книга продавалась по цене 2 рубля 50 копеек без переплёта. Карл Христофор, после покупки книг, отнёс их к переплётчику, который по договорной цене – 45 копеек за том – покрыл книги уже кожаной обложкой [26, с. 835].

29 сентября 1756 г. подпоручик барон Карл фон Унгерн-Штернберг был произведён при корпусе в капитаны-поручики. С получением же нового чина заканчивалось его пребывание на должности кадетского библиотекаря. 10 ноября 1756 г. из канцелярии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса последовал приказ о смене кадетского библиотекаря. Новым библиотекарем стал кадетский поручик Пётр Семёнович Свистунов (1732 – 1808). Для него была составлена инструкция, состоящая из 7 пунктов. Только затем состоялся процесс передачи книжного фонда от старого к новому библиотекарю. В ходе передачи библиотечного имущества выяснилось, что, несмотря на отлаженную систему выдачи книг, и других библиотечных предметов в кадетские классы, у барона Карла Христофора не было выявлено учтённых по описи некоторых книг, красок, карт и чернильниц на сумму 5 рублей 54 копейки. Эту сумму ему пришлось заплатить [36, л. 3 – 4, с. 61].

В 1759 г. князь Б. Г. Юсупов обратился с просьбой к императрице Елизавете Петровне, чтобы она позволила ему покинуть военную службу из-за болезни. Эта просьба была удовлетворена. 12 февраля 1759 г. именным императорским указом, данным Сенату, главным директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса был назначен великий князь Пётр Фёдорович [28, с. 320], будущий император Пётр III. На этом посту он находился до 14 марта 1762 г. Своим помощником великий князь выбрал Алексея Петровича Мельгунова, который ранее ещё с 16 декабря 1756 г. занимал должность директора Сухопутного кадетского корпуса.

С 1759 г. следует вести отчёт контактов великого князя с бароном Карлом фон Унгерном-Штернбергом. 15 февраля Пётр Фёдорович первый раз побывал в корпусе в качестве руководителя. На этот день была назначена официальная передача главного директорского поста из рук в руки. В два часа дня Пётр Фёдо-

рович, одетый в кадетский мундир и с большой знатной свитой, вышел на плац, где был выстроен весь корпус в полной парадной форме. Кадетским корпусом последний раз командовал князь Б. Г. Юсупов. По его команде корпус отдал честь великому князю. Затем по приказу бывшего главного директора корпуса был зачитан императорский указ о смене кадетского руководства. После официальных церемоний в покоях директора корпуса А. П. Мельгунова состоялся банкет. «Санкт-Петербургские ведомости» писали об этом банкете так: «...Его Императорское Высочество, прибыв со всеми знатными особами в покои полковника Мел[ь]гунова, соизволил всех как штаб-и обер-офицеров, так учителей и кадетов всемилостиво жаловать к руке, после чего при питии за высочайшия здравия Ея Императорскаго Величества и Императорской фамилии из поставленных на двор онаго корпуса пушек производилась пальба» [39].

Великий князь Пётр Фёдорович сумел наладить действенный контроль над своим военно-учебным заведением. По нашим подсчётам, на основании «Камер-фурьерских журналов» за 1759 – 1761 гг., наследник престола побывал с 15 февраля 1759 г. по 25 декабря 1761 г. в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе 26 раз [5, с. 107]. Между тем каждое посещение военного корпуса великим князем сопровождалось у него «обеденным кушаньем». М. И. Сёмевский подметил в действиях Петра Фёдоровича такую деталь, что «обыкновенные обеды зачастую обращались в пирушки» [42, с. 592]. На обеды с великим князем приглашались штаб- и обер-офицеры корпуса, в числе которых были барон Карл фон Унгерн-Штернберг, С. В. Перфильев, М. П. Чарторижский и С. А. Порошин. Все эти офицеры со временем превратились в любимцев великого князя, и им довольно быстро стали оказываться знаки внимания от наследника. Так, уже 20 марта 1759 г. барон Унгерн-Штернберг был произведён при корпусе капитаном [17, с. VI]. 24 мая 1760 г. императрица Елизавета Петровна, также при содействии великого князя, пожаловала барону Карлу фон Унгерну-Штернбергу в пожизненное арендное содержание мызы Кокенку (Кокенкау) в Лифляндии [3, с. 430]. Следует отметить, что в 1760 г. Унгерн-Штернберг служил в конной роте в чине ротмистра – это соответствовало чину капитана в пехотной роте.

Корпусный штат при великом князе увеличился. По штату 2 декабря 1760 г. численность кадетов была доведена до 490 человек, разделённых на пять рот: гренадерскую, три мушкетёрских и одну конную. Всего же в штате корпуса насчитывалось от главного директора до кадетов включительно 546 человек. Кроме того, в корпусе были и сверхштатные единицы – 79 кадетов и один поручик [31, л. 45]. Пётр Фёдорович старался вникнуть во все сферы кадетской жизни, в том числе при нём было улучшено и так вполне пристойное питание кадетов. Он хорошо понимал, что одним из залогов успеха кадетов в учёбе является их питание. Поэтому кадетская столовая была под его особым контролем.

Главный директор корпуса регулярно просматривал отчёты дежурных офицеров о состоянии кадетского рациона в столовой. Один из таких отчётов за 12 июля 1761 г. вызвал сильное недовольство у вели-

кого князя. Это был рапорт капитана-поручика Фридриха Плетца. В донесении говорилось, что за обедом в столовой унтер-офицерам и кадетам подавались следующие блюда: 1) шти с говядиной, 2) фрикасе из баранины, 3) битое мясо, 4) чернослив варёный с мёдом. К ужину: 1) шти, 2) фрикасе из баранины, 3) рагу из говядины. Между тем, из 454 русских воспитанников за обедом присутствовало 424, а за ужином только 408 человек. Напротив, из 139 немецких кадетов (выходцы из Эстляндии и Лифляндии, также детей офицеров иноземцев, находившихся в русской службе) за обедом присутствовали все, а за ужином отсутствовало только 4 воспитанника. Причину высокой явки в столовую у немецких кадетов и низкой у русских кадетов капитан-поручик Плетц объяснил следующим образом: для немцев кушанье было изготовлено «хорошее», а у русских, как в обеде, так и в ужине горох с тёшкой был с песком. Кроме того, шука под хреном – второе блюдо для русских кадетов подавалось с запахом [37, л. 2]. Надо упомянуть, что кадеты немецкого происхождения сидели особняком в столовой, где они имели свои отдельные столы. Многие же офицеры и преподаватели Сухопутного шляхетного кадетского корпуса были лицами немецкого происхождения, и они не могли не симпатизировать своим кадетам-землякам.

Великий князь коренным образом решил исправить негативное положение, имевшее место в кадетской столовой в отношении русских кадетов. По его инициативе 30 июля 1761 г. директор корпуса А. П. Мельгунов издал специальный приказ, в котором указывалось, что за качество пищи, подаваемой в кадетской столовой, отвечал майор Николай Фёдорович Ляпунов, но он допустил ситуацию, когда еда подавалась кадетам, особенно в «постные» дни, недоваренная, а рыба была «с вонючим запахом и песком». «Его Императорское Высочество изволило повелеть», чтобы отныне за качеством подаваемой пищи на стол «смотрел» и ротмистр Унгерн-Штернберг [37, л. 1]. У нас нет сомнений в том, что барон Карл фон Унгерн-Штернберг не мог не выполнить приказ, полученный от великого князя. Этот ротмистр уже тогда являлся примером для многих офицеров корпуса в деле неукоснительного выполнения своих служебных обязанностей и приказов вышестоящих лиц. Так, 15 февраля 1762 г. по Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу вышел приказ, где в пункте № 5 отмечалось: «Господину капитану Свистунову, [чтобы он] отправлял по корпусу письменные дела, как и господин, ротмистр барон Унгарн исправлял» [32, л. 121]. Заметим, что в 1762 г. барон Унгерн-Штернберг уже не служил в Сухопутном кадетском корпусе, а находился в качестве генерал-адъютанта при императоре Петре III. Но, память о его безупречной служебной деятельности продолжала жить ещё долгое время в кадетских приказах.

Возникает вопрос: почему из большого окружения наследника престола не многие могли попасть в его императорскую свиту? Научные источники показывают, что Пётр Фёдорович, назначая в свою свиту, непременно использовал такие критерии, как образованность, знание языков, прежде всего немецкого, дисциплинированность, личную преданность. Никита

Иванович Панин (1718 – 1783) в одной из бесед раскрыл причину любви императора к дворянам, знавшим в совершенстве иностранный язык, особенно немецкий, так: «Говорил он только по-немецки и хотел, чтобы все знали этот язык; по-русски он говорил редко и всегда дурно» [2, с. 364]. Для бывших воспитанников и преподавателей Сухопутного кадетского корпуса, как мы отмечали выше, иностранные языки не были проблемой. Тем не менее основным мотивом возвышения офицеров в свиту наверняка были личная преданность и хорошее исполнение распоряжений будущего государя. Запросам его, несомненно, отвечал и ротмистр Карл фон Унгерн-Штернберг.

25 декабря 1761 г. скончалась императрица Елизавета Петровна – дочь Петра Великого. На престол вступил её племянник Пётр Фёдорович. 28 декабря новый монарх пожаловал трёх своих фаворитов в генерал-адъютанты с чинами и жалованьем действительных бригадиров. Первым в списке значился капитан лейб-гвардии Преображенского полка князь И. Ф. Голицын, вторым был голштинский камергер и полковник А. В. Гудович, третьим – ротмистр Сухопутного шляхетного кадетского корпуса барон Карл фон Унгерн-Штернберг. 31 декабря были пожалованы во флигель-адъютанты с чинами подполковника (но с удвоенным жалованьем): капрал лейб-компаний князь И. С. Барятинский, капитан-поручик С. В. Перфильев, поручики Кадетского корпуса М. П. Чарторижский и С. А. Порошин [29].

В «Записках о Петре III» Якоба Штелина (1709 – 1785) читаем: «Каждое утро он вставал в семь часов и во время одевания отдавал генерал- и флигель-адъютантам свои повеления на целый день» [50, с. 97]. В обязанности адъютантов входило дежурство при императоре во дворце или вне дворца, участие в каждодневных пирушках в обед и вечером, а также выполнение специальных поручений императора. Одно из таких поручений, касающихся деятельности Военной комиссии, монарх возложил на Карла фон Унгерна-Штернберга. Так, именным указом от 6 марта 1762 г. была учреждена Военная комиссия для приведения в лучшее состояние армии. Во главе Комиссии стоял Пётр III, членами являлись: генерал-фельдмаршал принц Георг-Людвиг Шлезвиг-Голштинский, генерал-фельдмаршал князь Н. Ю. Трубецкой, генерал-фельдмаршал принц Пётр-Август-Фридрих Голштейн-Бекский, генерал-фельдцейхмейстер А. Н. Вильбоа, генерал-прокурор и генерал-кригс-комиссар А. И. Глебов, генерал-поручик А. П. Мельгунов, генерал-адъютант барон Унгерн-Штернберг [28].

Из императорской свиты два генерал-адъютанта: барон Карл Унгерн-Штернберг и князь И. Ф. Голицын были знакомы с секретными указами русского двора. Это касалось содержания секретного узника – Ивана VI Антоновича (1740 – 1764). Как известно, младенец-император правил страной только номинально (фактическая же власть была первоначально в руках регента Бирона, а после его свержения государством управляла мать младенца – Анна Леопольдовна) – один год, один месяц и восемь дней. 25 ноября 1741 г. император Иван VI был свергнут с престола Елизаветой Петровной, став отныне секретным узником. Арестанта в 1756 г., после длительных перемещений по

России, перевели для большей надёжности в Шлиссельбургскую крепость. С восхождением на престол Петра III содержание узника осталось прежним, сменился лишь начальник охраны. Прежний капитан Овцын был уволен. Начальником же охраны стал капитан Преображенского полка князь Чюрмanteeв. В секретном указе монарха на имя князя Чюрмanteeва от 1 января 1762 г. говорилось следующее: «Буде ж сверх нашего чаяния, кто б отважился арестанта у вас отнять, в таком случае противиться, сколько можно и арестанта живого в руки не отдавать» [20, с. 211].

Вскоре капитан Чюрмanteeв получил от начальника Тайной канцелярии А. И. Шувалова новый императорский указ от 11 января 1762 г. с надписью «секретнейший» следующего содержания: «Принятого арестанта от капитана Овцына содержать так, как указ наш и инструкция от нашего генерал-фельдмаршала графа Шувалова предписывают, и без нашего указа того арестанта никуда не перевозить и никому не отдавать, а когда соизволение наше будет в какое другое место арестанта перевезть, тогда прислан будет наш генерал-адъютант князь Голицын или генерал же адъютант барон фон Унгерн с именным указом за подписанием собственной нашей руки, а кроме оных, хотя б кто и с именным указом за подписанием собственной руки нашей приехал и стал требовать арестанта, тому не верить и задержать под караулом, писать, для донесения нам, к нашему генерал-фельдмаршалу графу Шувалову» [20, с. 212].

22 марта 1762 г. Чюрмanteeв получил очередной императорский указ: «К колоднику, содержащемуся у вас под караулом, имеете тотчас допустить нашего генерал-адъютанта барона Унгерна и с ним капитана Овцына, а потом всех тех, которых помянутый барон Унгерн пропустить прикажет» [20, с. 213]. В этот день барон Унгерн-Штернберг побывал в Шлиссельбургской крепости, а среди сопровождавших его лиц инкогнито находился и сам император. Последний визит барона Унгерна-Штернберга в Шлиссельбургскую крепость состоялся 1 апреля 1762 г. Он передал секретному узнику подарки от императора: шлафрок (халат), рубашки, чулки, колпаки, платки и туфли [20, с. 217]. На этом закончилась секретная миссия барона Карла фон Унгерна-Штернберга в деле выполнения монарших поручений в отношении Ивана Антоновича.

Такая служебная деятельность генерал-адъютанта Карла фон Унгерна-Штернберга поощрялась материально со стороны монарха. Так, 26 марта 1762 г. император подписал указ об отдаче вдове, баронессе Гедвиге-Элеоноре Унгерн-Штернберг с детьми, в арендное содержание на 40 лет коронной мызы Руйен-Гросгоф в Лифляндии. Затем 26 июня последовал новый именной указ «об избавлении от всяких сборов, в течение трех лет, земель в Лифляндии, отданных в арендное содержание генерал-адъютанту барону Унгарну и матери его» [3, с. 494, 511].

18 мая 1762 г. при дворе был создан императорский Совет, куда помимо самого монарха вошли ещё девять приближённых к нему лиц. Одной из главных задач императорского Совета была подготовка к войне с Данией из-за Шлезвига. Пётр Фёдорович мечтал возвратить эту территорию Голштинии, отнятую у неё в ходе Северной войны. Напомним, что государь яв-

лялся герцогом Голштинским с 1739 г. Российская армия получила приказ готовиться к датскому походу. В этой кампании решил участвовать и сам император, намереваясь стать во главе русской армии. Пётр III собирался взять в этот поход и всю свою императорскую свиту. 27 июня тайный секретарь Д. В. Волков объявил на заседании императорского Совета о том, что монарх «пожаловал своих генерал- и флигель-адъютантов не в зачёт по их окладам полным третним жалованием» (т. е. дополнительно выплатить за четыре месяца), а также приказал выдать им денежное содержание за три месяца вперёд для участия в датском походе [23, с. 262]. Согласно свидетельству датского дипломата Андреаса Шумахера (1726 – 1790) Пётр III собирался выступить из Петербурга в поход против Дании 10 июля 1762 г. [11, с. 325]. Однако планам императора не суждено было сбыться.

29 июня 1762 г. Пётр III намеревался праздновать своё тезоименитство в Петергофе. 28 июня, накануне торжества, он со своей свитой, состоящей из лиц первых пяти классов, отправился из Ораниенбаума в Петергоф, где должен был состояться большой обед в Монплезире у Екатерины. По прибытии в два часа на место государь узнал, что императрица ещё рано утром покинула дворец и уехала в столицу, где и произошёл переворот в её пользу. Ответные меры Пётр III предпринял против Екатерины только в 4 часа вечера. Современник тех событий Якоб Штелин писал об этом так: «Граф Роман Илларионович (Воронцов) и Волков диктуют и пишут именные указы, и государь подписывает их на поручне канального шлюза. Адъютанты отправляются с этими указами в разные полки и команды» [11, с. 341]. У нас же нет данных о том, какое конкретное поручение императора выполнял его генерал-адъютант Карл фон Унгерн-Штернберг. В этот день они уже больше не встречались.

Только около 10 часов вечера император дал согласие, чтобы он и его свита переехали в более надёжное место – в морскую крепость Кронштадт. Но укрыться в крепости им не удалось, так как гарнизон Кронштадта принял уже новую присягу на верность императрице Екатерине II. Императорская галера вынуждена была повернуть в Ораниенбаум, куда прибыла к 3 часам утра, а яхта ушла в Петергоф. Существует список тех лиц, кто ездил с императором на галере и яхте в Кронштадт, но среди присутствующих в списке имён не значился генерал-адъютант Унгерн-Штернберг. На императорской галере было всего 29 человек, включая и Петра III. Среди присутствующих лиц на галере находились: генерал-фельдмаршал Б. Х. Миних, графиня Е. Р. Воронцова, тайный секретарь Д. В. Волков, два генерал-адъютанта императора – И. Ф. Голицын и А. В. Гудович [11, с. 346 – 347]. Генерал-адъютант императора Карл фон Унгерн-Штернберг, как, однако показывают источники, тоже находился в Ораниенбауме 29 июня 1762 г.

Утром 29 июня в Ораниенбауме Пётр III устроил своё последнее совещание по вопросу: «На каких условиях ему следует капитулировать перед Екатериной II»? Против сдачи императрице высказался лишь один генерал-фельдмаршал Миних. У самого же императора всецело отсутствовали мужество и отвага, чтобы попытаться отстоять свои законные права на престол.

Шумахер о ситуации данного дня писал: «Тогда этот несчастный государь отправил с вице-канцлером князем Голицыным письмо к императрице, в котором он просил её лишь позволить ему уехать в Голштинию. Но вскоре затем он сочинил и второе письмо, ещё более унижительное. Он отказывался полностью от своих прав на российский престол и на власть. Он раболепно молил сохранить ему жизнь и единственное, что выговаривал себе помимо того, – это позволение взять с собой в Голштинию любовницу Елизавету Воронцову и фаворита Гудовича. Это послание он переслал с генерал-майором Михайлой Измайловым» [11, с. 313, 314].

В 11 часов утра в Петергоф прибыла Екатерина II вместе с мятежными войсками. Тотчас по приезду императрицы Г. Г. Орлов и генерал-майор М. Л. Измайлов были отправлены в Ораниенбаум за Петром III. В 1-м часу дня они привезли его в Петергоф в карете, в которой сидели также императорская фаворитка и генерал-адъютант А. В. Гудович. Здесь они были разлучены и арестованы. Вечером поверженного монарха отвезли в загородный дворец в Ропшу, где 3 июля 1762 г. он и нашёл свою смерть.

В 4 часа вечера 29 июня 1762 г., исполняя поручение императрицы Екатерины II, в Ораниенбаум прибыл генерал-поручик В. И. Суворов с отрядом гусар и конной гвардии. Он произвёл аресты голштинских войск и сторонников бывшего императора. Среди арестованных лиц был и тайный секретарь Д. В. Волков. Позднее, 10 июля 1762 г., Волков в письме к Г. Г. Орлову о своём аресте писал так: «Тут мой арест и совершенное несчастье были решены, но чудесным образом весь тот день прокурил у меня табак барон Унгарн; и так он меня оправдал» [10, стб. 341; 41, с. 422]. В «Записке Я. Штелина о последних днях царствования Петра III» показана дальнейшая судьба арестованных офицеров в Ораниенбауме: «30-го числа в 3 часа пополудни. Василий Иванович Суворов делает общую переключку всем офицерам и нижним чинам. Из них русские, малороссияне, лифляндцы и прочие здешние ранжируются на одну сторону и приводятся к присяге в дворцовой церкви, а голштинцев и других иноземцев ведут к каналу, сажают там на суда и перевозят в Кронштадт» [11, с. 345].

Скорее всего, в Ораниенбауме барон Карл фон Унгерн-Штернберг, как и другие офицеры, принял со всеми присягу на верность императрице Екатерине II. На это у бывшего любимица императора имелось полное моральное право, так как в правление Петра III он был верен монарху до последних дней его царствования. С приходом же к власти Екатерины II наш герой пожелал удалиться от двора, но в то же время оставил за собой право продолжить свою карьеру уже на военном поприще.

В царствование Екатерины II барон Карл фон Унгерн-Штернберг стал служить в артиллерийском корпусе в чине полковника. Хотя ещё 28 декабря 1761 г., как мы уже отмечали, Пётр III пожаловал своего любимца в свои генерал-адъютанты с чином бригадира армейской пехоты. Чин полковника артиллерии и чин бригадира пехоты были тождественны, что соответствовало военному чину V класса по «Табели о рангах». Только 22 сентября 1764 г., в третью годовщину ко-

ронации Екатерины II, Унгерн-Штернберг был пожалован императрицей из полковников в генерал-майоры [40]. Наш герой, получив генеральский чин, стал называться в официальном справочнике того периода – в «Адрес-календаре» за 1765 г. уже на русский манер: «В Артиллерийском корпусе генерал-майор – барон Карл Карлович фон Унгерн» [1, с. 41].

Унгерн-Штернберг был участником 1-й русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг., начав там службу в чине генерал-майора полевой артиллерии 1-й армии, командующим которой первоначально и на тот момент являлся генерал-аншеф князь А. М. Голицын. Однако рескриптом от 13 августа 1769 г. Екатерина II отстранила А. М. Голицына от занимаемого поста, назначив на его место генерал-аншефа графа П. А. Румянцева. На 14 августа 1769 г. в подчинении генерал-майора К. К. Унгерна-Штернберга имелось 2,7 тысяч человек при 100 орудиях и 10 малых единорогов – орудий типа гаубиц, что говорит об огромном к нему доверии со стороны власти того времени. Унгерн-Штернберг участвовал также в знаменитых победах графа П. А. Румянцева в 1770 г. В сражении в районе реки Ларги 7 июля Румянцев разбил крымского хана Каплан-Гирея и трёх турецких пашей – Абаза, Абди и Измаила. Румянцев в своей реляции от 12 июля 1770 г. так сообщал Екатерине II о действиях артиллерии в битве при Ларге: «Полевая артиллерия, где была употреблена, везде успехи приобретала в самой скорости. Я должен справедливость в том отдать оному распоряжающим генералам Унгерну и Мелиссино, которые и сами при устройстве батарей довольно трудились» [24, с. 123 – 124, 337]. 21 июля в районе реки Кагул П. А. Румянцев нанёс поражение другой турецкой армии, во главе которой стоял великий визирь Халил-бей. К. К. фон Унгерн-Штернберг принимал тоже активное участие в этом сражении. За победу при Кагуле П. А. Румянцев был пожалован Екатериной II в чин генерал-фельдмаршала, а генерал-майор артиллерии Унгерн-Штернберг был удостоен императрицей орденом Святой Анны [24, с. 376 – 377].

В XVIII в. военные кампании носили сезонный характер, а боевые действия прекращались на всю зиму. Такая тактика ведения войны объяснялась бездорожьем для этого времени года. Войска же отводились в тыл на зимние квартиры. Так в зимний период 1770 – 1771 гг. генерал-майор Унгерн-Штернберг с полевой артиллерией из 64 орудий со служителями стоял в главной квартире Яссах [24, с. 409]. Но, несмотря на это, генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев высоко ценил военный талант и храбрость Унгерна-Штернберга, способствовал его росту и продвижению по службе.

28 апреля 1772 г. фельдмаршал одобрил военный план с названием: «Расписание русской армии и указания П. А. Румянцева командирам корпусов на кампанию 1772 г.». В этом документе генерал-майор Унгерн-Штернберг показан как уже командир первой бригады, куда вошли следующие воинские части: 1-й Гренадерский полк, Куринский пехотный полк и батальон grenадер из рот Тобольского и Елецкого полков. В 1773 г. Карл Карлович становится командиром корпуса, а произошло это в ходе следующих событий. 22 июня 1773 г. у деревни Кучук-Кайнарджи

был разбит турецкий корпус сераскира Нуман-паши. Корпус русского генерал-майора барона О.-А. Вейсмана разбил турок, но сам генерал в ходе сражения был убит. Генерал-поручик барон К. К. фон Унгерн-Штернберг получил начальство над корпусом бывшего Вейсмана [15, с. 505; 24, с. 528, 636].

Екатерина II требовала от П. А. Румянцева, чтобы план кампании на 1773 г. включал в себя перенесение военных действий на правый берег Дуная, наступление на Шумлу, где следовало разбить главную армию турецкого визиря. В октябре Румянцев отправил корпуса генерал-поручиков барона К. К. фон Унгерн-Штернберга и князя Ю. В. Долгорукова за Дунай в направлении на Карасу и Базарджик. 15 октября эти два корпуса соединились у Карамурата, а ещё через два дня заняли Карасу. В этом сражении потери турок составили до 1500 убитыми и 772 человека пленными. Кроме того у неприятеля было взято 11 пушек и 18 знамён. 23 октября русские корпуса почти без потерь овладели турецкой крепостью Базарджик. Русские получили всю неприятельскую артиллерию в количестве 23 орудий. За Базарджик Унгерн-Штернберг был пожалован орденом Святого Александра Невского. Румянцев, окрылённый успехами побед корпусов Унгерн-Штернберга и Долгорукова, отдал им приказ продолжить наступление на их усмотрение на Шумлу и на Варну, но данная операция не получила завершения. Генералы-поручики, не придя ни к какому соглашению, двинулись от Базарджика в разные стороны, Унгерн-Штернберг на Варну, а Долгоруков к Шумле. 30 октября генерал-поручик Унгерн-Штернберг пытался захватить Варну, но был отбит турками, потеряв 211 человек. Узнав о неудаче Унгерн-Штернберга под Варной, Долгоруков повернул назад от Шумлы. Русские корпуса вновь отошли на левый берег Дуная [12, с. 162; 24, с. 675 – 678, 682 – 683; 19, с. 148 – 149]. 10 июля 1774 г. был подписан Кучук-Кайнарджийский мирный договор. Война завершилась победой русского оружия и выгодными условиями мирного договора. В Петербурге в августе по этому случаю прошли публичные торжества. После окончания русско-турецкой войны Унгерн-Штернберг оставил военную службу, но на этом его карьера не закончилась.

С 12 сентября 1774 г. по 25 июля 1779 г. генерал-поручик барон К. К. фон Унгерн-Штернберг стал гражданским губернатором Санкт-Петербурга. Он сменил на этом посту ушедшего в отставку генерал-поручика С. В. Перфильева. Следует сказать, что Екатерина II непосредственно выбирала на высшие административные должности известных ей людей, которые сумели уже проявить свои незаурядные способности. На новом месте Карл Карлович теперь руководствовался екатерининским указом от 21 апреля 1764 г., известным под именем «Наставление губернаторам». В статье I этого указа говорилось: «Губернатор, как поверенная от Нас особа и как глава и хозяин всей врученной в смотрение его губернии, состоять имеет под собственным Нашим и Сената ведением, почему и указы только от Нас и Сената Нашего приемлет» [14, с. 338]. Под председательством губернатора действовало Санкт-Петербургское губернское правление. Кроме того, барон К. К. фон Унгерн-

Штернберг имел в своём распоряжении ещё двух товарищей губернатора (вице-губернаторов), которые достались ему ещё от Перфильева. 1-м товарищ губернатора был полковник Я. И. Сукин и на этом посту он оставался до 9 августа 1778 г. Затем его сменил (19.07.1779 г.) бригадир Ф. А. Суворов. 2-м товарищ губернатора был бригадир С. Ф. Дуров [8, с. 250 – 251, 254 – 255].

Унгерн-Штернберг был «хозяином» под № 1 в Санкт-Петербургской губернии весь 1774 г., но в следующем году он временно переместился на 2-й план. Вот как это случилось. Екатерина II решила пышно отметить Кучук-Кайнарджийский мирный договор со своими подданными также и в Москве. Торжества намечались на июль 1775 г. Указом от 21 декабря 1774 г., на время своего отъезда из Петербурга, государыня возложила управление столицей на генерал-фельдмаршала князя А. М. Голицына. Следует отметить, что в тот период военный чин генерал-фельдмаршала приравнялся к должности генерал-губернатора и был по статусу выше, нежели чин гражданского губернатора, который занимал Унгерн-Штернберг.

8 января 1775 г. Екатерина II уехала в Москву вместе со своим двором, где пробыла одиннадцать с половиной месяцев, а вернулась в столицу только 26 декабря [25, с. 546, 550, 555]. Несмотря на назначение Голицына, тем не менее государыня из Москвы посылала свои указы Санкт-Петербургскому губернатору. Так, Екатерина II указом от 1 мая 1775 г. потребовала от барона Унгерн-Штернберга, чтобы он организовал очистку фарватера реки Невы от подводных камней в районе деревень Петрушино и Святки. В то же время губернатор совместно с адмиралтейской коллегией должен был поставить немедленно знаки на реке, чтобы суда и плоты «путь свой держали по тем выставленным знакам» [46, с. 615 – 616].

Указом от 7 ноября 1775 г. были утверждены «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Теперь в каждой губернии новым учреждением являлся приказ общественного призрения, руководивший делами просвещения (школы), здравоохранения (больницы) и благотворительности (приюты, богадельни). В Петербурге, согласно закону, первым председателем приказа общественного призрения стал губернатор Карл Карлович Унгерн-Штернберг. В 1775 г. приказ общественного призрения построил при Смольном монастыре первую общегородскую богадельню, а в 1777 г. на Московской стороне было открыто народное начальное училище [12, с. 162; 14, с. 380, 445 – 446].

Весьма любопытным и довольно важным фактом биографии Унгерн-Штернберга является его взаимодействие как губернатора столицы с вольными каменщиками (масонами). Ещё в начале 1770-х гг. в российском масонстве формируются два основных течения: «елагинская» и «рейхелевская» системы. Первый масонский союз основал сенатор И. П. Елагин (1725 – 1793), который пользовался доверием государыни. Он вступил в масонство ещё в 1750 г. Елагин, в рассматриваемые годы получил патент от Великой Ложи Англии на создание масонского союза в России, получившего название «Первого елагинского

союза». Работа в ложах должна была вестись в семи степенях по йоркской или новоанглийской системе, но на практике применялись лишь первые три степени: ученик, подмастерье и мастер. Этот масонский союз оказался полностью под влиянием Англии [21, с. 139 – 140].

Новый масонский союз создал немецкий офицер на русской службе барон П. Б. Рейхель (1729 – 1791). Он был приверженцем одной из немецких масонских систем – «шведско-берлинской» системы Циннендорфа, известной также под названием «слабого наблюдения». Масонские ложи этой системы работали в России в семи степенях и находились под сильным влиянием зарубежного центра «Великой Земской ложи всех каменщиков Германии». После недолгого соперничества 3 сентября 1776 г. ложи обеих систем соединились в Великую Английскую (Провинциальную) ложу под управлением И. П. Елагина, как великого провинциального мастера. В ходе объединения было признано главенство «циннендорфской» системы в масонских ложах. В общем, под юрисдикцию немецкого масонства попало в России, по разным данным, от 18 до 20 лож [21, с. 91, с. 144 – 146; 6, с. 356]. Этот объединенный союз просуществовал до своего роспуска в 1784 г.

Екатерина II к масонским лохам первоначально относилась благосклонно. Когда же был создан объединённый союз во главе с И. П. Елагиным, то императрица желала иметь своего представителя в этом масонском ордене, чтобы с его помощью контролировать ситуацию изнутри и в её интересах. Выбор государыни пал на санкт-петербургского губернатора Унгерн-Штернберга, как уже зарекомендовавшего себя надёжным исполнителем. В свою очередь сами столичные масоны искали себе покровителя из высших лиц верховной власти. Прежний благодетель вольных каменщиков – гражданский губернатор С. В. Перфильев был отправлен в отставку ещё в 1774 г. Вот почему в сентябре 1776 г. Унгерн-Штернберг был сразу возведён в шотландские мастера – 5-я степень посвящения в масонстве, войдя в Великую Английскую (Провинциальную) ложу Петербурга. Собрания ложи проходили каждую четверть года в собственном доме И. П. Елагина на Елагинском острове, а съезжались на заседания все мастера лож [44, с. 959 – 960]. Дальнейшие события показали, что Унгерн-Штернберг на масонском поприще не оправдал надежды императрицы и поплатился за это своей карьерой.

Некоторая часть петербургских вольных каменщиков естественно считали, что «истинное» масонство содержится в высших степенях, поэтому их взоры обратились к Швеции. У них была уверенность, что именно масоны этой страны окажут русским братьям нужное содействие в получении данных степеней. В самой же шведской системе масонства было 10 степеней посвящения. Для этой цели они воспользовались пребыванием в Стокгольме князя А. Б. Куракина (1752 – 1818). Брат шведского короля герцог Карл Зюдерманландский, занимавший тогда второе место в иерархии шведской системы «строгoго наблюдения», посвятил князя Куракина в высшие масонские степени. При этом была договорённость, что князь будет гроссмейстером русской провинциальной ложи с пра-

вом передать своё звание князю Г. П. Гагарину и с подчинением этой ложи шведскому ордену. Весной 1777 г. в Санкт-Петербург возвратился князь Куракин. Барон К. К. фон Унгерн-Штернберг был один из первых масонов, кому Куракин сообщил о «высших степенях шведской системы» [4, с. 31 – 32; 30, с. 576]. Данная встреча достаточно красноречиво свидетельствует о том, что санкт-петербургский губернатор также поддержал инициативу князя Куракина о развёртывания шведской масонской структуры на невских берегах.

Как утверждают различные источники, шведская масонская система окончательно утвердилась в России к 1780 г. Многие из лож, работавших прежде под управлением И. П. Елагина, обратились затем к шведской системе. В 1778 г. в Петербурге был основан капитул «Феникса». О существовании этой структуры в системе «строгoго наблюдения» знали лишь «избранные» братья. Здесь должность великого префекта занимал князь Г. П. Гагарин, хотя первоначально планировалось, что эту должность займёт Елагин, но в последний момент он от этого поста отказался и на него Гагарин выдвинул стокгольмский капитул. Петербургским капитулом, в свою очередь, тайно руководила директория, состоящая уже из рядов «избранных» братьев, имевших не менее 7 степеней посвящения. Руководил этой масонской структурой также князь Г. П. Гагарин. Директория имела постоянную переписку с заграничным центром в Стокгольме, во главе которого стоял герцог Зюдерманландский. Он 9 мая 1780 г. подписал «Инструкцию» для российской директории по управлению подчинёнными ей ложами [45, с. 9 – 21].

Для непосвящённых братьев в высшие степени капитул «Феникса» был известен под именем «Великая национальная ложа». Уже 25 мая 1779 г. состоялось её торжественное открытие в Петербурге, где Великим национальным мастером был Г. П. Гагарин. Директория же была известна братьям-масонам под наименованием Совета Великой национальной ложи. Санкт-петербургский гражданский губернатор Унгерн-Штернберг, как мы уже отмечали, поддержал шведскую систему «строгoго наблюдения», а о тайных структурах этой системы он не был осведомлён. Он был безупречным исполнителем на своём посту, но в отношении проникновения шведского масонства в столицу проявил свою должностную беспечность, так как не знал истинных целей данного проникновения. Сам он в какой-то момент увлёкся масонством, то ли в силу желания получить высшие степени, то ли руководствуясь намерениями осуществления через масонские структуры благотворительности в ещё больших размерах.

Какие цели преследовали руководители шведского ордена в России? Во-первых, они хотели поставить под свой контроль все российские ложи, а масонских братьев превратить, как бы сейчас сказали, в иностранных агентов своего влияния, так как в шведской системе «строгoго наблюдения» использовалась практика беспрекословного подчинения братьев вышестоящим инстанциям. Центр этой масонской системы находился в Стокгольме. Во-вторых, руководители Швеции пытались пересмотреть свой геополитиче-

ский статус-кво, сложившийся на Севере Европы с Россией после окончания Северной войны. Шведский двор на протяжении всего XVIII столетия делал такие попытки. В годы правления Екатерины II шведские руководители в решении своей геополитической стратегии решили использовать и масонские структуры, созданные ими на территории российской империи. Очередная попытка пересмотреть итоги Ништадтского мирного договора была предпринята Швецией в ходе русско-шведской войны 1788 – 1790 гг.

Екатерину II насторожило расширение лож шведской системы в России. Их было уже шесть только в одной столице. В 1779 г. исполняющий обязанности петербургского обер-полицеймейстера П. В. Лопухин по приказанию начальства – генерал-полицеймейстера Д. В. Волкова два раза был в Гагаринских ложах, как тогда назывались ложи шведской системы, «для узнания и донесения Ее Величеству о переписке их с герцогом Зюдерманландским» [44, с. 12]. Участь петербургского покровителя масонов была решена императрицей, так как Унгерн-Штернберг проявил свою несостоятельность в этом вопросе. В июле 1779 г. барон К. К. Унгерн-Штернберг был отправлен в отставку. На пост Санкт-Петербургского гражданского губернатора был назначен Д. В. Волков. Затем Екатерина II приказала И. П. Елагину закрыть ложи Гагарина. Работы Великой национальной ложи шведской системы были приостановлены. Однако тайные же действия капитула «Феникса» продолжились, причём капитул разделился на петербургское и московское отделение. Кроме того, императрица под благовидным предлогом выпроводила из северной столицы Великого национального мастера Г. П. Гагарина, назначив его 26 ноября 1781 г. обер-прокурором шестого департамента Сената в Москве [21, с. 152; 45, с. 24]. Шведское масонство в Санкт-Петербурге стало приходить в упадок.

После своей отставки барон Унгерн-Штернберг продолжал заниматься масонской деятельностью. Теперь он был членом масонской ложи «Северная Звезда» в Вологде. Хотя ложа была основана в апреле 1783 г., но её официальное открытие состоялось лишь 15 сентября. Данная ложа работала под руководством московской ложи-матери (т. е. имела право открывать новые ложи) «Трёх знамён», где мастером стула был П. А. Татищев. Эти ложи принадлежали к одной из ветвей немецкого масонства – к системе розенкрейцеров. Центр ордена розенкрейцеров находился в Берлине во главе с наследником прусского престола, ставшим затем королём Фридрихом Вильгельмом II (1786 – 1797). В России за 1783 – 1786 гг. действовала 21 розенкрейцерская ложа, а центром этой масонской системы являлась Москва. Екатерина II негативно отнеслась и к ордену розенкрейцеров. Со стороны правительства начались гонения на них. Уже в 1786 г. масонские ложи этой системы перестали собираться за исключением 8 тайных лож, имеющих высшие масонские степени [44, с. 946 – 947; 6, с. 106, 125, 375].

Елагин резко критиковал орден розенкрейцеров. Вскоре, в 1786 г., он образовал в Петербурге «Второй елагинский союз», который просуществовал до 1793 г. В новый союз входило до 22 масонских лож. К участию в этом союзе был привлечён и барон

К. К. фон Унгерн-Штернберг, который работал в двух ложах столицы. В ложе «Скромности» в 1786 – 1787 гг. он числился как брат, имевший 6 степеней посвящения – «Рыцаря высокой философии», а также являлся членом ложи «Конкордии» [6, с. 94, 98 – 100; 44, с. 967]. Итак, как мы видим, барон Унгерн-Штернберг после своей отставки принимал участие в работе масонских лож двух систем, которые ориентировались на Германию и Англию, но сам он в политике не был активным.

6 ноября 1796 г. скончалась императрица Екатерина II. На престол вступил её сын Павел I. Уже 12 ноября новый государь пожаловал барона К. К. фон Унгерн-Штернберга в генерал-аншефы (т. е. в чин полного генерала) в благодарность за верность императору Петру III. Вскоре в воинских уставах от 29 ноября 1796 г. звание генерал-аншефа было заменено званиями по родам войск. С этого времени генерал-аншеф барон Унгерн-Штернберг стал именоваться генералом от инфантерии (генерал от пехоты). 13 ноября император Павел I впервые пригласил барона Унгерн-Штернберга на обед во дворец [16, с. 407; 18, с. 777]. Такие посещения стали для бывшего генерал-адъютанта Петра III частыми и желанными.

Взойдя на престол, Павел I решил перезахоронить прах императора Петра III. Барон Унгерн-Штернберг узнав об этом, был явно удивлён таким решением, но, встретившись с государём, тотчас согласился с его доводами по этому случаю. Стоит здесь напомнить, что по воле Екатерины Пётр III покоем не в общей усыпальнице российских императоров в Петропавловском соборе, а в Благовещенской церкви Александра-Невской лавры. Здесь он был захоронен ещё 10 июля 1762 г. Перезахоронение Петра III в Петропавловский собор должно было сопровождаться оказанием его бранным останкам всех положенных по этому случаю царских почестей, а также совместить всё это с похоронами самой Екатерины II. По мнению дореволюционного историка Н. К. Шильдера, уже 8 ноября 1796 г. Павел I приказал вынуть гроб с останками Петра III из могилы и поставить его посреди Благовещенской церкви. По другим общепринятым данным, это произошло только 19 ноября. В этот же день бранные останки Петра III переложили в новый гроб. 25 ноября Павел I торжественно возложил на гроб Петра III императорскую корону. 2 декабря гроб с прахом Петра III торжественно перевезли в Зимний дворец, где он был поставлен на катафалке рядом с гробом Екатерины II. А ещё через три дня оба гроба перевезли в Петропавловский собор, где на две недели были выставлены для всеобщего поклонения, и, наконец, 18 декабря были преданы земле [49, с. 248 – 251, 254 – 255].

Барон Унгерн-Штернберг сам принимал непосредственное участие в траурном ритуале по перезахоронению праха Петра III. Так, при гробе, начиная с 19 ноября, происходило чтение Святого Евангелия и было учреждено дежурство из лиц первых четырёх классов. Поскольку барон Унгерн-Штернберг имел чин II класса «Табеля о рангах», постольку Павел I возложил на Карла Карловича несение дежурства возле тела своего отца, предписав ему приготовить для траурных церемоний тот мундир, который он носил во времена Петра

III. Современник тех событий француз Шарль Массон сообщает следующие подробности о нашем герое: «Унгерну посчастливилось отыскать подобную форму у одного из своих старых знакомых. Павел пожелал оставить в своём владении эту реликвию гардероба, которая обеспечила благосостояние того, кто её так хорошо сохранил» [22, с. 83].

Однако время брало своё. В 1797 г. скончался барон К. К. фон Унгерн-Штернберг. В приказах по Военному ведомству от 4 сентября 1797 г. сказано:

«Умерший генерал от инфантерии Унгерн из списков исключается» [12, с. 163]. Карл Карлович, как и его родные братья, не были женаты. Павел I именным указом от 27 октября 1797 г. повелел Сенату «отдать лежащую в Перновском уезде казённую мызу Кокенкау, бывшую на аренде у генерала от инфантерии барона Унгерн-Штернберга и по смерти его сделавшуюся теперь вакантною» Дерптскому обществу благородных девиц [43, с. 304].

Литература

1. Адрес-календарь Российский на лето от рождества Христова 1765. Показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, и то при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб., 1765. 131 с.
2. Ассебург А. Ф. Записка о воцарении Екатерины Второй // Русский архив. 1879. Кн. I. С. 363 – 369.
3. Баранов П. И. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII век. СПб., 1878. 513 с.
4. Ведьмин О. П. Масоны в России. 1730 – 1825 гг. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1998. 212 с.
5. Ведьмин О. П. Печальная карьера вундеркинда: превратности судьбы флигель-адъютанта Петра Фёдоровича // Родина. 2009. № 2. С. 107 – 109.
6. Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во имени Н. И. Новикова, 1999. 575 с.
7. Висковатов А. В. Краткая история Первого Кадетского корпуса. СПб., 1832. 113 с.
8. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708 – 1917. М.: Объединённая редакция МВД России, 2003. 480 с.
9. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века: дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов. М.: Изд-во Академии наук, 1936. 239 с.
10. Два письма Д. В. Волкова к Г. Г. Орлову // Русский архив. 1874. Кн. II. Стб. 336 – 346.
11. Дворцовые перевороты в России 1725 – 1825 / сост., вступ. ст., коммент. М. А. Бойцова. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 640 с.
12. Длуголенский Я. Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга-Петрограда. Генерал-губернаторы, гражданские губернаторы, генерал-полицмейстеры (обер-полицмейстеры), градоначальник. СПб., Журнал «Нева», 2001. 416 с.
13. Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч. III. 523 с.
14. Законодательство Екатерины II. М.: Юрид. лит., 2000. Т. I. 1056 с.
15. Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова, 1740 – 1830 // Русская старина. 1889. Кн. IX. С. 481 – 517.
16. Иванов О. А. Екатерина II и Пётр III. История трагического конфликта. М.: Центрполиграф, 2007. 735 с.
17. Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб-обер-офицерам и кадетам с показанием кто из оных, с какими достоинствами, в какие чины выпущены и в каких чинах ныне. СПб., 1761. Ч. I. 274 с.
18. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб., 1896. 892 с.
19. Клокман Ю. Р. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 207 с.
20. Корф М. А. Брауншвейгское семейство. М.: Прометей, 1993. 416 с.
21. Масонство в его прошлом и настоящем. М.: ИКПА, 1991. Т. I. 255 с.
22. Массон Ш. Секретные записки о России. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
23. Наумов В. П. Совет при Петре III // Российское самодержавие и бюрократия: сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой. М.: Новосибирск: Древлехранилище, 2000. С. 257 – 267.
24. П. А. Румянцев / под ред. П. К. Фортунатова. М.: Воениздат, 1953. Т. II. 864 с.
25. Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703 – 1782. М.: Центрполиграф, 2004. 782 с.
26. Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Мол. гвардия, 2003. 873 с.
27. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (ПСЗРИ). Первая серия. СПб., 1830. Т. VIII. 1018 с.
28. ПСЗРИ. Первая серия. СПб., 1830. Т. XV. 1052 с.
29. Прибавление к № 1 Санкт-Петербургских ведомостей. 1762. 1 янв.
30. Пыпин А. Н. Русское масонство до Новикова // Вестник Европы. 1868. Кн. VI. С. 546 – 589.
31. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. I. Д. 74.
32. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 314. Оп. I. Д. 9.
33. РГВИА. Ф. 314. Оп. I. Д. 444.

34. РГВИА. Ф. 314. Оп. I. Д. 1657.
35. РГВИА. Ф. 314. Оп. I. Д. 2563.
36. РГВИА. Ф. 314. Оп. I. Д. 2791.
37. РГВИА. Ф. 314. Оп. I. Д. 3095.
38. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 46. Д. 2149.
39. Санкт-Петербургские ведомости. 1759. 19 февр.
40. Санкт-Петербургские ведомости. 1764. 1 окт.
41. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1876. Т. 18. 518 с.
42. Семевский М. И. Шесть месяцев из русской истории. Очерк царствования императора Петра III. 1761 – 1762 гг. // Отечественные записки. 1867. Кн. 8. С. 589 – 613.
43. Сенатский архив. СПб., 1888. Т. I. 746 с.
44. Серков А. И. Русское масонство. 1731 – 2000 гг.: энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.
45. Соколовская Т. О. Капитул Феникса: Высшее тайное масонское правление в России (1778 – 1822 гг.). М.: Изд-во Гос. публ. ист. б-ки России, 2000. 120 с.
46. Указ Екатерины II об очистке Невы. 1 мая 1775 г. // Русская старина. 1874. Кн. VII. С. 615 – 616.
47. Федорченко В. И. Свита российских императоров. М.: АСТ; Красноярск: Издательские проекты, 2005. Кн. 2. 533 с.
48. Хотеев П. И. Библиотека Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в середине XVIII в. (количественные данные) // Книга в России XVI – середина XIX в.: материалы исследования; сб. науч. тр. Ленинград: БАН СССР, 1990. С. 119 – 126.
49. Шильдер Н. К. Император Павел I: историко-библиографический очерк. М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. 464 с.
50. Штелин Я. Я. Записки Штелина о Петре Третьем, Императоре Всероссийском // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Кн. IV, отд. V. С. 67 – 115.

Информация об авторе:

Ведьмин Олег Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, Lubyaginal@mail.ru.

Oleg P. Vedmin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 03.09.2015 г.